

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА СЕВЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТА АЛЕКСЕЯ ПОЛИШКАРОВА

А.В. Петров

*д.ф.н., профессор кафедры русского языка и речевой культуры
Северного (Арктического) федерального университета
имени М.В. Ломоносова
Архангельск, Россия
a.petrov@narfu.ru*

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18100356>

***Аннотация.** В статье рассматривается, с помощью каких лингвистических средств раскрывается образ Севера в творчестве поэта Алексея Полишкарлова. К ним относятся номинации: север, северный, полярный, топонимы, лексемы, называющие северные реалии. Данные средства органично включаются в образно-выразительный строй стихотворений поэта.*

***Ключевые слова:** северный текст русской литературы, образ Севера, топонимы, метафоры.*

В последние годы значительно возрос интерес филологов к изучению локальных художественных сверткестов, которые воспринимаются формами выражения национального менталитета в его региональном варианте. Наряду с традиционными для русской словесности петербургским и московским текстами сейчас говорят о сибирском, уральском, кавказском, крымском текстах.

На протяжении ряда лет разрабатывается учение о так называемом Северном тексте русской литературы, который объединяет произведения о природе и истории Русского Севера, о жизни и труде северян, о специфике северного характера. Тем не менее северный текст в большей степени явление не тематическое, а ментальное, поскольку оно отражает особый северорусский вариант национальной картины мира, создает особый мифопоэтический образ Русского Севера.

Е.Ш. Галимова пишет: «Цельность такого многосоставного явления, как Северный текст, обеспечивается, прежде всего, его глубинным подтекстовым (сверткестовым) смыслом, который выявляется в процессе исследования. И именно этот смысл определяет уникальность Северного текста. С нашей точки зрения, сущность этого сверхэмпирического смысла – в восприятии Русского Севера как мифопоэтического пространства, таящего в себе в «запечатленном» виде загадку русской жизни, русской истории, русской культуры, русской духовности, самой души Руси, а также тайну русского поэтического слова» [1, с. 16].

Нами в ряде работ разрабатывается система лингвистических средств создания образа Русского Севера в Северном тексте русской литературы. К таким средствам, на наш взгляд, следует отнести: 1) лексемы, номинирующие Север и северные реалии, а также метафоры и сравнения, их характеризующие; 2) топонимы и микротопонимы, представляющие собой географические названия северного края, а также космонимы, так или иначе связанные с Севером; 3) диалектизмы, передающие специфику региональной речи; 4) северные пословицы и поговорки; 5) антропонимы, катойконимы и лексемы, описывающие характеры и нравы северян; 6) профессионализмы, отражающие основные занятия жителей Севера; 7) фольклоризмы, характеризующие специфику северного устного народного творчества; 8) авторские окказионализмы, стилизованные под живую северную речь; 9) лексемы, заимствованные из языков народов Крайнего Севера; 10) историзмы и архаизмы, отражающие историю северного края (подробнее см. [2]).

В 1979 году в Архангельске вышла книга стихов Алексея Федоровича Полишкарлова (1934 – 2006) «Горлинка» [3]. Тогда поэт жил и работал в Северодвинске, поэтому в его поэтическом сборнике немало стихов, посвященных северному краю. Проследим, какие лингвистические средства использует автор книги для создания поэтического образа Севера.

Прежде всего, это, конечно, само слово *Север*, которое неизменно пишется здесь с прописной буквы. Уже в первом стихотворении книги можно найти такое эмоциональное определение северного края: *Север – это слово голубое, / Север – это край прозрачных рек, / Мужеством проникнутый, / Любовью, / Щедростью, / Как добрый человек* («Север – это слово голубое...»). И далее в нем следуют показательные эпитеты, характеризующие Север: *снежный, светлый, родниковый*. В других стихотворениях появятся и такие колоритные определения: *Север сизый...* («Север сизый...»); *Июньский светлый Север – удивление...* («Июньский светлый Север – удивление...»).

Поэт запросто, дружески обращается к ставшему ему дорогим краю, не скупится на яркие образные его характеристики: *Здравствуй, Север – / Дорога в завтра, / Белоснежный разбег ветров.* <...> *Здравствуй, Север – простор олений, / Разгулявшийся снеговей!* («Здравствуй, Север!»). Он признается: *С каждым годом ты откровенней, / С каждым днем для меня милей* («Здравствуй, Север!»); *С каждым днем ты ко мне / И добрей, и нежней...* («Север сизый...»). Таким образом, Север в поэтическом контексте предстает живым, мыслящим, чувствующим существом.

Задается поэт вопросом: что же главное на Севере, в чем его суть: *Ответ, что за сила и вера / Здесь держит сильнее и сильнее / И карбас, вмерзающий в*

берег, / И кряжистых, вольных людей? («Поморье»). Есть у поэта уверенный ответ на этот вопрос: *И не стужа властвует над Севером – / Будничное мужество людей.* <...> *Всё здесь постигается в движении, / Только в нем от Севера ключи* («Здесь верна пословица, что семеро...»). Как видим, отличает Север специфика не только природная, но и человеческая: *Здесь над избами Севера сосны, / Белой ночи белесая мгла...* («Все мне снится, и снится, и снится...»); *Здесь каждый лучик солнца на примете, / Ему здесь взглядом говорят: / – Спасибо. / И восполняет недостаток в лете / Не изб тепло, / А доброта улыбок* («Не знаю, по какому это праву...»). Обращают на себя внимание указания на северные реалии как природные, так и рукотворные: *белые ночи, карбас.*

Север объединяет разных людей, ставших – пусть временно – его подданными: *И нас объединяет Север / И общая тоска по дому* («Ничей, как птица в небе синем...»). Поэт, южанин по рождению, тоскующий по родине, все же стремится на Север: *Мой начинался путь на Север / С тропинок юности и грез...* («Мой начинался путь на Север...»); *Скиталец я не ради корысти, / Не ради длинного рубля* («И вот стою у тихой пристани...»); *Уезжаю на Север России, / Буду грустные письма читать...* («Отпуск короток, как телеграмма...»). Он будто бы повторяет путь своих древних земляков: *На Север, на Север, на Север / От свиста арканов и стрел!.. / В лесах и по рекам осели, / А Киев горел и горел...* («Остатки дружин Приднепровья...»).

Для создания образа Севера не обойтись и без прилагательного *северный*, приобретающего в поэтическом контексте особый смысл: *В тишину тополиного шума / Дождь вошел, как вошла и ты / В эти северные раздумья / Из далекой моей мечты...* («В тишину тополиного шума...»); *Осиянны северным сияньем, / Светятся неистово снега!* («Приполярье...»); *Не знаю, по какому это праву / Сюда запаздывает даже лето, / К нему, как к проходящему составу, / Стремглав спешат, спешат, / Чтоб как-то, где-то / Встать и пробиться, / Северные травы / Сквозь заморозки и остатки снега, – / И расцветают впоыхах с разбега* («Не знаю, по какому это праву...»).

Отметим яркие метафоры, характеризующие природу северного края. Поэт использует адекватно характеризующее Север прилагательное *полярный* и его производные: *И летят снегири / В полыханьи полярных зарниц* («Север сизый...»); *Белый плач заполярной метели...* («В тишину тополиного шума...»); *И неброскость полярного лета...* («В тишину тополиного шума...»); *Побывал я на Севере, / Там в Заполярье* («В гостях»); *Расскажу о полярном сияньи, / О нерпах* («В гостях»); *Приполярье. / Вьюги завыванье / Затихает. / Улеглась пурга* («Приполярье...»).

На страницах поэтического сборника органично себя чувствуют северные топонимы и их производные. Вот гидроним *Белое море* и неразрывно с ним связанные слова *поморский* и *помор*: *У Белого моря стоят холода. / Чего не хватает, так это / Поморского краткого лета* («У Белого моря стоят холода...»); *А море студеное Белым / Назвал ты недаром, помор* («Поморье»); *В край поморов у Белого моря* («Стынет синий простор еловый...»); *И гляжу вот на Белое море / И на карбасов дым голубой, – / А за ними рыбацкие доры, / Словно думы вослед за тобой* («В тишину тополиного шума...»). Вот беломорские острова: *Остров Мудьюг, / Познавший горе, / Соловецкий архипелаг* («Стынет синий простор еловый...»); *Синий край соловецкой земли* («В тишину тополиного шума...»).

А это другие знаковые гидронимы Севера: *Голубая, прохладная Ладога – / Калевалы земля лучезарная* («Заладожье»); *Над Онегою сонное солнце / Расправляет лучи, как усы...* («Над Онегою сонное солнце...»); *Кончается лето тоскливо – / Холодную тишиной / Над полночью лунной залива / И Северною Двиной* («Кончается лето тоскливо...»). И северные города: *За адресом меняю адрес, / Не знаю, где я брошу якорь: / Архангельск – Ленинград – Архангельск – / Северодвинск и остров Ягры* («Ничей, как птица в небе синем...»); *Стынет синий простор еловый, / Комариный протяжный писк / Над бетонной дорогой ровной / На Архангельск, / На Северодвинск...* («Стынет синий простор еловый...»).

Север – заповедный край, сохраняющий глубинную древность Руси: *Не вьется дым из позабытых дымниц, / Резной амбар на ножках – как рояль... / Земля замшелых изб, / Часовен дивных, / Ты – даль веков / И времени скрижаль* («В Малых Корелах»); *Здесь березы подставили плечи / Древнерусской бревенчатой мгле / И стоят над веками, как млечность, / Как былин седина на земле* («Над Онегою сонное солнце...»); *Часовенка на косогоре, / Избушка, и в окнах светло. / Вздыхает студеное море / Простуженно и тяжело* («Поморье»).

Различные приметы Севера, воплощенные в слова, обозначающие северные реалии, представлены на страницах сборника: *Прощайте, нарты, / Убегающий лес рогов* («Здравствуй, Север!»); *Жжет мороз / И до изнеможения / Трудно – / Не скули, / А помолчи* («Здесь верна пословица, что семеро...»); *Были каторги здесь владенья, / Ссылных стон, непосильный труд... // Кто-то едет сюда из-за денег – / Деньги даром нигде не дают* («Стынет синий простор еловый...»); *И поют, словно гусли и кантеле, / Проводов напряженные линии, / Дальний рокот рыбацкого катера, / И гудки паровозов недлинные* («Заладожье»); *Вдруг – чахлые сосенок жерди...* («Озер и речушек дремота...»).

Для поэта одной из самых важных примет Севера становится не что-нибудь – тишина: *Над рекою склонилась усталая, / Словно женщина, тишина* («Темень теплая пахла таволгой...»); *И глухо, подобная смерти, / Тройная стоит тишина* («Озер и речушек дремота...»); *Над гульбищем стоит / И на поветье / Сухая тишина* («В Малых Корелах») – в последнем примере обращает на себя внимание словечко *поветье*: то ли окказионализм с собирательным значением, то ли ошибочное употребление северного диалектизма *поветь*.

Пейзажи Севера вдохновляют поэта на яркие, живописные стихотворные строки: *Круглолицее солнце голову / Лишь преклонит на лапы еловые – / И заката малиновый колокол / Звон посылет в озера пунцовые...* («Заладожье»); *Озер и речушек дремота, / Прохладная серая высь, / Над мокрым замшелым болотом / Березовый дождик повис...* («Озер и речушек дремота...»); *И стоит карельская березка, / А мороз покрепче, чем первач, / Мимо, мимо по равнине плоской / Мчится ветер, спотыкаясь, вскачь* («Приполярье...»). А вот таким представляется поэту озеро в лунную летнюю ночь: *Оно – как выход во второе небо; / В молчанье звезд и мель, и глубина / И не понять порой, где быть, / Где небыль, – / И надо мной и подо мной луна* («Июньский светлый Север – удивление...»).

И вновь обратимся к стихотворению, открывающему книгу: *Снежный Север, / Светлый, родниковый, / Помоги найти мне, / Подскажи / Голубое искреннее слово – / О тебе поведать от души* («Север – это слово голубое...»). Да, такое искреннее, душевное слово нашлось у поэта, чтобы признаться в любви к ставшему для него родным северному краю.

Литература

1. Галимова Е.Ш. Поэзия пространства: образы моря, реки, леса, болота, тундры и мотив пути в Северном тексте русской литературы. – Архангельск, 2013. – 128 с.
2. Петров А.В. Север в северной поэзии: лингвистический аспект: монография. – Архангельск, 2018. – 121 с.
3. Полишкарров А.Ф. Горлинка: стихи. – Архангельск: Сев-Зап. кн. изд, 1979. – 80 с.